

Таким образом, несмотря на то, что данные книги представляют собой пример борьбы и взаимоничтожения средствами творчества, они определенно являются эхом друг друга и имеют сходные жанровые элементы. Возможно, писатели таким образом всего лишь вовлекают нас в игру, подогревая читательский интерес интригами и склоками, а может, Г. Стайн, будучи превосходным учителем, стимулирует творческий потенциал своего ученика, зная его независимую, борцовскую натуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baker, C. Ernest Hemingway. Writer as Artist / C. Baker. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1973. – 438 p.
2. Hemingway, E. A Moveable Feast / E. Hemingway. – Moscow: JUPITER-INTER, 2004. – 148 p.
3. Ryan, F.L. The Immediate Critical Reception of Ernest Hemingway / F.L. Ryan. – Washington: Univ. Press of America, 1980. – 71 p.
4. Стайн, Г. Автобиография Элис Б.Токлас. Пикассо. Лекции в Америке / Г. Стайн; пер. с англ.; сост. и послесл. Е. Петровской. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. – 607 с.
5. Старцев, А.И. Хемингуэй: книги последних лет / А.И. Старцев // От Уитмена до Хемингуэя / А.И. Старцев. – М.: Сов. писатель, 1972. – С. 333 – 348.
6. Хемингуэй, Э. Праздник, который всегда с тобой; Острова в океане. / Э. Хемингуэй. – Минск: Маст. лит., 1988. – 542 с.

З.И. Третьяк (Полоцк, ПГУ)

**АВТОРСКОЕ ВИДЕНИЕ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН
В РОМАНЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ «ЗА РЕКОЙ, В ТЕНИ ДЕРЕВЬЕВ»**

Книги о войне, появившиеся в последнее десятилетие жизни Э. Хемингуэя (или подготовленные им к печати), по своему колориту могут быть отнесены к завершающему циклу творчества прозаика. Это романы «За рекой, в тени деревьев» (1950) [1] и «Острова в океане» (издан посмертно в 1970 году) [2]. Существенным является то, что по тональности эти две книги резко отличаются от всего написанного ранее Э. Хемингуэем, например, о Первой мировой войне. А. Зверев считает, что в этом случае сказалась та школа, которую писатель прошел во время Гражданской войны в Испании (1936–1939). Именно она окончательно утвердила сугубо негативное отношение прозаика к идеологии фашизма и убедила его в острой потребности отпора этому новому виду варварства [3, с. 510]. На примере данных книг Э. Хемингуэя хорошо заметно, как кардинально изменились эстетика и пафос его прозаических литературно-художественных произведений о войне. Личное участие в антифашистском движении не могло привести к созданию произведений, имеющих сугубо пацифистскую направленность.

Роман «За рекой в тени деревьев» можно назвать, пользуясь терминологией П. Топера, «книгой-возвратом» [4, с. 34]. События в произведении подобного плана развиваются следующим образом: много лет спустя после окончания кровопролитной войны ее непосредственный участник, сегодня уже довольно молодой ветеран (например, полковник Кантуэлл), сполна познавший тяготы и лишения жизни, а в те годы еще совсем юноша, полный энтузиазма и иллюзий, возвращается в те места, где принял настоящее боевое крещение. Решение вернуться и вспомнить былое принимается не без боли и горечи, однако оно становится первым шагом на пути примирения с самим собой. Оно же свидетельствует о незаурядной силе воли персонажа, его стремлении избавиться от призрачных образов прошлого хотя бы перед лицом приближающейся и неизбежной кончины.

Сюжет романа не отличается новизной и оригинальностью. В нем повествуется о судьбе, рассуждениях и чувствах некогда полного надежд, разбитых Великой войной, а ныне обреченного человека, стоящего перед лицом смерти, о том, как он стоически принимает последние часы жизни, как он подводит итоги всему пережитому и передуманному. Подобный мотив встречается и в других произведениях зарубежных художников слова. Достаточно вспомнить хотя бы роман Э.М. Ремарка «Жизнь взаимы» (1959), в котором герои пытаются ярко прожить свои последние часы. Э. Хемингуэя в романе интересуют не столько телеграфически точные описания тех нескольких дней, проведенных Кантуэллом в Венеции, а то, как принимает смерть волевой человек, бывший фронтовик. Что-то подобное происходило и с другими персонажами американского прозаика (в рассказе «Непобежденный» и повести «Снега Килиманджаро», вошедших в сборник «Первые сорок девять рассказов», 1939).

Ричард Кантуэлл (главный герой романа «За рекой, в тени деревьев») – полковник пехотных войск армии США, который всю жизнь прослужил в армии, но так и не сделал карьеры: ему не хотелось стать похожим на сотни тысяч службистов, для которых жизнь подчиненных не имела ни малейшего значения. Он принял участие в двух мировых войнах, во многом разочаровался, многое осознал и составил собственное представление о происходящем вокруг. Отдав все время и силы служению бесполезной войне, он

всей душой возненавидел ее. И вот наступило время подвести итоги жизни. На это судьба ему отвела только два дня в страстно любимой им с давних пор Венеции.

Следует отметить, что главный герой предстает перед читателем полностью сложившейся личностью (в отличие от Ника Адамса – персонажа сборника рассказов «В наше время», 1925, и Фредерика Генри – героя всемирно известного романа о Первой мировой войне «Прощай, оружие!», 1929). Причем сам процесс ее формирования фрагментарно освещен только в воспоминаниях и самохарактеристиках персонажа. Итак, мы застаем полковника Кантуэлла на завершающей стадии его внутреннего развития, когда под влиянием двух мировых войн, профессиональной деятельности и убеждений, он приходит к неутешительным выводам о своей жизни. Причем Э. Хемингуэй лишь только намекает, какими путями шел его персонаж к этому моменту.

Как замечает А. Старцев, в книге проходят две темы: «военно-политическая, выраженная преимущественно в воспоминаниях и рассуждениях полковника Кантуэлла, и личная, связанная с его любовью к юной графине Ренате, с одолевающей его болезнью и ощущением близкого конца» [5, с. 528]. Б. Гиленсон в книге «Эрнест Хемингуэй» пишет, что любовная линия в романе – это в большей степени аллюзия на драму «Отелло» У. Шекспира. Кантуэлла он сравнивает с мавром, а графиню Ренату – с Дездемоной [6, с. 169]. Молодая венецианка полюбила старика-полковника за испытания, выпавшие на его долю. Эта любовь вряд ли скрашивает последние дни Ричарда Кантуэлла, наполненные горькими мыслями, вызванными неизлечимой болезнью и предчувствием стремительно приближающегося конца, а также разочарованием практически во всем, что пришлось совершить на жизненном пути.

Трактовка войны как таковой в романе определяется взглядами Э. Хемингуэя, которые он начал формулировать еще в романах «Фиеста» (1926) и «Прощай, оружие!». Хотя Кантуэлл вовсе не помышляет о «сепаратном мире», его роднит с лейтенантом Генри и Джейком Барнсом ненависть к тем, кто разжигает и поддерживает войну, и уважение к людям, сражавшимся на передовой. Парадоксально, что полковник ненавидит войну, хотя вся его профессиональная деятельность связана с ней напрямую. Ему претит кровавая бойня, в которой люди гибнут по вопиющей некомпетентности и самодовольству командования. Но кого уж Кантуэлл действительно готов стереть с лица земли, так это тех, кто желает наживаться на крови, горе и слезах, которые приносит война и солдатам, и мирному населению. Еще одна черта в военной натуре Кантуэлла – его вера в солдатское братство и солидарность, теплое чувство к тем, кто имел несчастье побывать на войне, уйти с фронта физически израненным и духовно искалеченным.

Полковник Кантуэлл понимал, что его настоящий противник не только по ту, но и по эту сторону фронта, что профашистские тенденции в собственной армии еще страшнее и опаснее, чем немецкий и итальянский фашизм, выступившие как открытый враг. Главный герой осознает, что фашизм – явление вовсе не локальное, а стройная идеология, имеющая прочные корни и у него в стране, это зло, скрывающиеся в социальной жизни и глубинах человеческой природы. В данном произведении Э. Хемингуэй уже не обличает войну как трагическую нелепость и ошибку, что сближает роман с его другими книгами о войне, написанными в США после Второй мировой войны [7].

В полковнике Э. Хемингуэй попытался соединить нарисованного им ветерана двух войн, офицера американской армии и себя самого (человека, живущего творчеством). В результате получилась довольно противоречивая фигура, профессиональные суждения которой иногда звучат весьма некомпетентно и необоснованно, а сложный духовный мир вряд ли типичен для американского военнослужащего. Настоярживает, как свободно в беседе Кантуэлл переходит от одного вида искусства к другому, упоминает итальянских, фламандских, испанских и французских художников, смело сравнивает портрет Ренаты с лучшими портретами кисти Веласкеса и Тинторетто.

Роман вобрал в себя практически все пережитое Э. Хемингуэем во время последнего путешествия в Италию, яркие и полные трагизма воспоминания о Первой мировой войне и рассуждения о последней мировой войне, которая не так давно завершилась. Далекие от войны описания острова Торчелло, отеля «Гритти», бара «Гарри» перемежаются с воспоминаниями о высадке в Нормандии, марше через Францию, освобождении Парижа, которые были свежи в памяти, как главного героя романа, так и в сознании самого автора.

Американский прозаик, а вместе с ним и полковник Ричард Кантуэлл, характеризует Вторую мировую войну, в которой участвовала армия США, как весьма прибыльный бизнес. Автор открыто выражает свое отвращение, питаемое к послевоенной политике правительства родной страны, которая допускает возможность развязывания новых войн в ближайшем будущем. Кроме того, Э. Хемингуэй открыто заявляет о своих упованиях на то, что господство фашистского режима в Испании – явление крайне недолговечное. Художнику слова хотелось бы думать, что и испанские фашисты потерпят поражение, как их собратья в Италии и Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хемингуэй, Э. За рекой в тени деревьев / Э. Хемингуэй // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Худож. лит., 1968. – Т. 4. – С. 5 – 216.

2. Хемингуэй, Э. Острова в океане / Э. Хемингуэй // Праздник, который всегда с тобой; Острова в океане: Романы. – Минск: Маст. літ., 1988. – С. 127 – 541.
3. Зверев, А. Движение времени – движение темы. Американский роман о войне / А. Зверев // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран. – М.: Наука, 1985. – С. 509 – 548.
4. Топер, П. Война и история. Советская литература о Великой Отечественной войне в контексте мирового литературного процесса / П. Топер // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран. – М.: Наука, 1985. – С. 5 – 67.
5. Старцев, А. Книги последних лет / А. Старцев // Хемингуэй, Э. Собр. соч.: Т. 4 / Э. Хемингуэй. – М.: Худож. лит., 1968. – С. 527 – 536.
6. Гиленсон, Б. Эрнест Хемингуэй / Б. Гиленсон. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
7. Waldmeir, J. American Novels of the Second World War / J. Waldmeir. – The Hague – Paris, 1969. – 180 p.

А.А. Никифоров (Полоцк, ПГУ)

ХОЛОКОСТ В МИРОВОЙ ПОЭЗИИ И ПОЭЗИИ США: ТЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

*Что есть поэзия, когда она не спасает
нации или народы?
Чеслав Милош*

Введение. Американская поэзия о Второй мировой войне – сложный, многообразный и специфический объект исследования. Особенности восприятия и осмысления этой войны в творчестве поэтов США проявляются как в индивидуальной реакции на те или иные события или войну в целом, так и в предпочтении освещения какого-либо конкретного события. Также в качестве особенностей необходимо учитывать чисто американские литературные явления, такие как афроамериканская поэзия о Второй мировой войне, и непосредственно связанные с США события (Перл-Харбор, тихоокеанские военные действия, Хиросима и прочие). Одним из самых значительных явлений Второй мировой войны, которое нашло и находит широкое и глубокое отражение в творчестве самых разных поэтов США, явился холокост.

Настоящая работа посвящается изучению тем, проблем и возможных подходов к исследованию поэзии холокоста, в частности поэзии США. Если в предыдущей статье «Особенности восприятия холокоста американскими поэтами в свете общественно-политической ситуации в США 1933 – 1945 гг.» [1] обсуждался исторический, социальный и отчасти культурный контекст, в котором формировалась американская поэзия холокоста, то здесь она рассматривается как явление литературы США в свете антифашистской поэзии и прозы Европы. Говоря о поэзии холокоста (строчное написание), мы имеем в виду стихи, объектом которых являются все жертвы нацистов, а также события, связанные с массовым уничтожением мирного населения начиная с 1933 года, и ряд проблем, касающихся восприятия и осмысления этого исторического явления. Таким образом, стихи о геноциде еврейского населения Европы, которые получили название поэзия Холокоста (первая буква – прописная), не выделяются нами в качестве единственного объекта исследования, как это свойственно западному литературоведению, когда дело касается литературы о зверствах нацистов [2, 3, 4].

Это притом, что, как уже отмечалось в предыдущей работе, во время войны, когда только появился этот термин, холокост воспринимался, и в частности, американцами, как истребление европейских и советских граждан и военнопленных в общей массе, куда наряду с евреями входили коммунисты, профсоюзные работники, представители духовенства и многие другие¹. Таким образом, в этой работе выдвигается тезис о том, что осмысление нацистских зверств в американской поэзии 40-х – 60-х годов XX века гораздо шире, чем освещается в литературоведении США.

Обоснование термина. Нельзя сказать, что стихи об уничтожении евреев не представляют собой центральную и подавляющую часть западной поэзии холокоста, но также нельзя утверждать, что стихи, посвященные памяти других категорий граждан – маргинальное явление для данной поэзии. Учитывая расширенный объект исследования, и во избежание терминологической путаницы в работе используется понятие *холокост*, за исключением цитат из источников, где это слово пишется с заглавной буквы. Но и здесь возникает проблема, так как, к примеру, многие антологии, объединяющие *все* стихотворения по теме, используют термин *Холокост*, как в заглавии, так и в текстах предисловий; то же касается большинства исторических и литературоведческих трудов. Употребление термина *холокост* продиктовано еще и тем, что ни одна антология, ни один сборник не посвящен исключительно Шоа (катастрофа еврейского народа). В каждой книге значительную часть составляют стихотворения о гибели евреев, но не

¹ Использование термина *холокост* применительно ко всем жертвам нацистов в общественной и культурной жизни США см. монографию П. Новика «Холокост в жизни американцев» [5, р. 20, р. 214 – 221].